

Многоликий Горький: штрихи к биографии:

рекомендательный список литературы к 150-летию со дня рождения писателя

Максим Горький... Еще не так давно, в годы советской власти чуть ли не икона: классик, «основоположник», «буревестник»... Позднее, в годы перестройки, - писатель весьма умеренного дарования, идеолог сталинизма. Кем же был на самом деле этот, по выражению Пастернака, «океанический человек»?

Выдающийся художник и огромная историческая личность, Максим Горький остается во многом фигурой неразгаданной. Биографы нового века в своих исследованиях пытаются постичь и объяснить тайны этой удивительной судьбы, где тесно переплелись обстоятельства личной и социальной деятельности писателя, его активное участие в общественной и литературной жизни России и обилие встреч с интересными людьми, взаимоотношения с властью и ее политическими лидерами, личные разочарования и драмы.

Издания XXI века помогут современному читателю познакомиться с необычной биографией Максима Горького. Действие книг разворачивается на волжских просторах и в столицах, в Крыму и на Кавказе, в Европе и на любимом писателем Капри, в обновленной революционной России и в узком семейном кругу.

Каждое из этих исследований по-своему интересно и любопытно, однако в некоторых из них, по мнению литературоведов, есть ошибки, легкие и бездоказательные предположения и догадки. Так в научной литературе вызвали вполне убедительные и обоснованные возражения книги В. Баранова, особенно его версия об отравлении Горького М.И. Будберг-Закревской.

До сих пор не утихают споры вокруг последних дней Горького: умер он естественной смертью или чья-то злая воля помогла ему уйти из жизни. В конце прошлого века версия естественной смерти, кажущаяся наиболее убедительной, стала вызывать сомнения. Чем больше ее сопоставляли с тайной историей эпохи большого террора, тем больше появлялось у нее критиков. Появившиеся в печати новые материалы по истории 1930-х гг. не всегда были использованы для серьезного анализа, возникло немало разного рода легенд и мифов о смерти Горького: отравление его чекистами по приказу Сталина, убийство при участии М.И. Будберг.

Горьковеды разделились на два лагеря: противников и сторонников версии насильственной смерти писателя. В процесс доказательств включились литературоведы, юристы, историки, писатели, журналисты, врачи. Тема стала обособленным разделом горьковедения. Истина не родилась в этих спорах, но в их результате были вскрыты и исследованы новые материалы по биографии Горького, перечитаны заново его письма, выявлено много новых документов и фактов. По-иному зазвучали темы «Горький и Сталин», «Горький и Троцкий» и др.

В 2001 году вышел сборник «Вокруг смерти Горького. Документы, факты, версии». Его авторы не дают окончательного ответа о причинах смерти писателя, но представляют на суд читателя подлинные документы, сохранившиеся в Архиве А.М. Горького (ИМЛИ РАН): история болезни, медицинское заключение лечащих врачей, протокол вскрытия. В сборник включены воспоминания лечащих врачей писателя (Л.Г. Левина, Д.Д. Плетнева, М.П. Кончаловского, А.Д. Сперанского); воспоминания родных и близких, бывших возле писателя в последние дни (Е.П. Пешковой, М.М. Пешковой, М.И. Будберг, П.П. Крючкова, О.Д. Чертковой, И.М. Кошенкова, Г.А. Пеширова); предсмертные записи Горького. Факты и документы, используемые в этом и других изданиях, позволят читателю сделать самостоятельные выводы.

Современен ли Горький, надо ли его произведения читать сейчас? Ответ на этот вопрос дает в своей книге «Был ли Горький» Дмитрий Быков:

«То, что личный путь Горького привел в тупик, - ровно ничего не доказывает. Лишь многочисленные Самгины могут радоваться его жизненной катастрофе, повторяя прекрасные слова Ужа: «Летай или ползай, конец известен». Если пытаться летать – можно двадцать раз рухнуть в море, а на двадцать первый полететь. Но если всю жизнь ползать, ни до чего хорошего уж точно не доползешь.

Именно поэтому сегодня, на очередном переломе русского исторического пути, стоит помнить, читать и перечитывать странного, неровного и сильного писателя Максима Горького.

Хватит спрашивать себя, был ли Горький. Он – был».

Баранов В. Беззаконная комета: Роковая женщина Максима Горького. – Москва : Аграф, 2001. – 384 с.

Положение Марии Игнатьевны начало определяться. Роль секретаря: перепечатка на машинке, почта, звонки по телефону... Работа не требовала больших усилий, и она с интересом прислушивалась к тому таинственному миру писателей, который был освящен именем самого Горького.

Как и любой другой художник, Горький был человеком настроения... Лишь теперь он по-настоящему присмотрелся к Марии Игнатьевне. Сразу после заседания К. Чуковский запишет в свой дневник: «Как ни странно, Горький хоть и не говорил ни слова ей, но все говорил для нее, распустил весь павлиний хвост. Был очень остроумен, словоохотлив, блестящ, как гимназист на балу».

К этому времени Мария Игнатьевна зарекомендовала себя как работник чрезвычайно исполнительный, добросовестный и толковый. Порой просто незаменимый, как, например, в подготовке вечера памяти Леонида Андреева. Горький особенно оценил эту услугу...

А всего лишь неделю спустя, 14 ноября, Мария Игнатьевна появилась на Кронверкском.

Появилась, чтобы бывать здесь – сначала от случая к случаю, а потом все более регулярно.

Она стала помогать хозяину в его литературных делах, а потом, словно бы незаметно, мимоходом – в налаживании бестолкового быта, изначально воцарившегося здесь: ведь одновременно в квартире жительствоваало с десятков человек. А то и намного больше, если считать приезжих...

Тут она в полной мере обнаружила один из многих своих талантов: быть необходимой, отнюдь не будучи навязчивой.

[Мура] извлекла из чемодана самое драгоценное, что везла Горькому: единственный пока экземпляр романа «Дело Артамоновых», только что изданного в Берлине. Посвящение: «Ромену Роллану, человеку, поэту».

...И вдруг змейкой молнии мелькнула в сознании мысль... «Детство» он посвятил Максиму. Вполне естественно. А еще что кому? ...Тщательно перелистала все его книги и установила: «Фома Гордеев» - Чехову. Ну, перед Антоном Павловичем он преклонялся, был влюблен в него, как в девушку. Считал, что он такой новатор, что убивает реализм. «На дне» - Пятницкому. Товарищу по издательству «Знание», многолетнему сотруднику Горького...

И вот теперь – Роллан...

Так он же сам говорил ей, что еще на рубеже веков родился у него странный замысел, обещавший стать грандиозным, а произведение – главным в его жизни. В нем переплетались история купеческого рода с жизнью и судьбами столичной и провинциальной интеллигенции [речь идет о романе «Жизнь Клима Самгина»].

...Будучи человеком здравомыслящим, Мура не отличалась чрезмерным честолюбием и понимала, что мысль о возможности посвящения нового романа ей может показаться шокирующей. Никому из женщин он не посвящал своих книг. Даже Екатерине Павловне, которая оставалась, пусть и в прошлом, его единственной законной супругой. А кто ему она? Так, любовница. И союз их не может быть бесконечным.

...Двадцать шестого декабря 1926 года Горький сел писать письмо Крючкову: «Роман посвящен мною Марии Игнатьевне Закревской...» Представил, как у того глаза полезли на лоб. Чувствовал, что совершает что-то против своей воли. Но ведь и всю жизнь он привык помогать другим, нередко принося в жертву свои интересы. Продолжил: «...но я думаю, что на отрывке посвящение печатать не нужно». Задумался. Вздохнув: «Впрочем, я еще не решил это...»

...Она ожидала застать Сталина за письменным столом, уставленным телефонами, заваленным кипой бумаг, на фоне географической карты гигантской державы, целиком подчиненной его воле – великого вождя и властителя. А вождь и властелин, один в огромном кабинете, сидел в кресле у приоткрытого окна, в середине кабинета, закинув ногу на ногу в своих мягких кавказских сапогах и курил...

На самом деле он тщательно продумал сценарий своей беседы с Мурой... Поначалу вообще он был уверен, что болезнь Горького сама сделает свое дело. И в этих обстоятельствах заблаговременно отдавать кому-либо распоряжения *такого рода* было бы опрометчиво. Прекрасно понимал сейчас Сталин и другое. Перед ним вырос самый грозный из возможных

противников – Время. Все должно быть подготовлено в сжатые сроки. К восемнадцатому.

А время было на исходе. Счет пошел уже не на дни, а на часы и минуты. А вдруг, получив соответствующее – и такое ужасное! – распоряжение – и в самый последний момент! – эта «железная женщина» окажется вовсе не железной, а самой обыкновенной бабой: свалится в обморок (настоящий или мнимый?), закатит истерику, заболеет в одночасье...

...Теперь Мура наконец поняла, куда клонил вождь и чего ждут от нее, и почувствовала, как все оборвалось внутри от страха. До последней минуты не понимавшая практического смысла сегодняшнего визита в Кремль (как и раньше не давала она себе понять роли, отводившейся ей в той запредельно таинственной игре), она осознала, чего хотят именно от нее, какую роль отводят именно ей... и ей захотелось подбежать к тому окну, распахнуть его и крикнуть что есть сил, на весь бесконечный Мир: Нет! Нет! Только не это!

Но она тут же пресекла этот глупый порыв, поняв по его виду, что он понял то, о чем наконец догадалась она. А понял он еще и то, какой ужас охватил ее вдруг. И сейчас он смотрел на нее совсем не сочувствующим взглядом собеседника, разделявшего горечь неумолимо надвигавшейся утраты. Это был неотразимо гипнотический взгляд охотника, все внимание сосредоточившего на ожидании вожделенной жертвы. ПАУК!

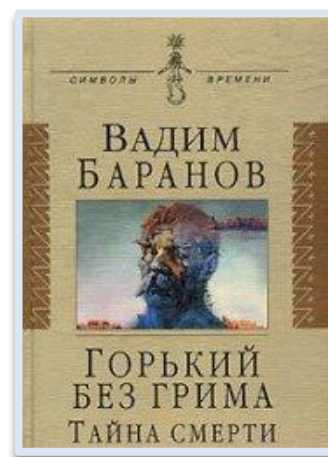
...Сейчас ему нужно было еще раз убедиться в своем искусстве полностью владеть ситуацией, а это в свою очередь требовало умения неукоснительно держать форму. Особенно перед лицом той кадровой революции, которую уже обдумывал он и которую можно будет начать вскоре после похорон строптивного старца.

...Все остальные указания Мура получила от Ягоды.

Баранов В. Горький без грима. Тайна смерти : роман-исследование / Вадим Баранов. - 2-е изд., испр. и доп. - Москва : Аграф, 2001. - 464 с. - (Символы времени).

Уезжал в Италию Горький со сложным, двойственным настроением... Подводя итоги пребывания в России, Горький чувствовал, что связан с ней теперь накрепко, чем-то большим, нежели желание жить на Родине, каким бы сильным оно ни было. И какими бы ни были твои настроения по тем или иным поводам, никуда не денешься: надо служить новым людям, новому государству. Тем более, что задуманный им Союз писателей – идея получила горячую поддержку наверху – возглавлять вроде бы и в самом деле, кроме него, некому...

Писателей должен защищать не лидер-одиночка, а организация. Литература, конечно, не может быть вне политики, как он пытался утверждать лет десять тому назад. Но она и не должна превращаться в служанку политики. Предстояло решить анафемски трудную задачу: связать писателей с идеей государственного строительства и одновременно оградить их от прямолинейно-некомпетентных вмешательств в выбор тематики, разработку замыслов – в святая святых – творческий процесс.

17 августа 1933 года по инициативе Горького 120 писателей выезжают на [Беломор]канал, чтобы создать коллективный очерк об этом уникальном сооружении... Участники экспедиции по каналу столкнулись с человеком, которого менее всего можно было бы ожидать в местах заключения. Это был поэт Сергей Алымов, автор текста любимейшей миллионам песни «По долинам и по взгорьям». Удивились: как он попал сюда? Но настроение гостей было столь лучезарным, а представление об условиях, в которых оказывались интеллигенты, таким смутным, что А. Безыменский, под общий смех, пошутил: «Серезу прислали таскать тачку по долинам и по взгорьям»... В ответ на вопрос, за что же все-таки попал сюда Алымов, тот только махнул рукой и, заплакав, полез на верхние нарты.

.***

С еще большим нетерпением ждал Сталин книгу о себе. В личном архиве Горького сохранилась папка с материалами о товарище Сталине, специально подобранными для писателя... Казалось бы, под рукой решительно все, что необходимо, и вот ведь на тебе – писатель с таким опытом не воспользовался этими материалами...

Какой бы могла получиться книга, если б Горький все-таки написал ее? Не могло быть никакого сомнения: автор, как говорится, был обречен на ошеломляющий успех... И вот, не оправдав ожиданий великого вождя, не использовав такие материалы (!), Горький предпочел карабкаться на совсем другую вершину, и успех восхождения тут был вовсе не гарантирован. Он сосредоточил свои силы на создании грандиозной панорамы жизни России за четыре десятилетия – романа-хроники «Жизнь Клима Самгина».

Создаваемая вокруг писателя в последние годы жизни атмосфера тягостной дискомфортности не могла не отразиться на его творческой работе. Сказалось это решающим образом не только на «Климе Самгине», но и на публицистике...

Статья как жанр проблемный теряет свои свойства. Ее начинает теснить «жанр» официального приветствия. И кого только не приветствовал в эти славные годы Алексей Максимович! Приветствовал, искренне радуясь успехам. Первый Всесоюзный слет колхозников-ударников и Красную Армию, Уралмашстрой и харьковский завод «Серп и молот», «Крестьянскую газету» и шахту своего имени... Неудивительно, что в статьях 30-х годов много раз встречается имя Сталина. Верного ученика Ленина, обладающего мудростью государственного руководителя.

Нимало не пытаясь оправдать Горького, отметим, что рождение культа Сталина – процесс постепенный, связанный с перерождением партии... К середине 30-х годов преклонение перед Сталиным приобрело характер обязательного государственного ритуала, а любое собрание кончалось здравицей в его честь...

Что касается горьковских упоминаний вождя, то не стоит нам все же превращаться в тех оппонентов Горького, которые с детской непосредственностью восклицают: «Ага, вот упомянул еще раз!», отвлекаясь при этом от конкретных обстоятельств, в которых рождался тот или иной отклик. Один пример из многих. С 11 по 17 февраля 1935 года в Москве проходил Второй Всесоюзный съезд колхозников-ударников. Сославшись на нездоровье, Горький уклонился от участия в нем. Свою же заметку по поводу успешного завершения съезда он закончил выражением удовлетворения по поводу того, что уверенно двигается

вперед «наша родина – великая талантливостью и делом ее людей, мудростью их вождей».

Казалось бы, все в порядке, необходимый реверанс сделан... На самом же деле все обстояло совершенно иначе! Что, собственно, означает фразочка о мудрости вождей? Не только страна – весь мир убедился, что у Республики Советов есть только один вождь! И именно ему, его мудрости и прозорливости обязана она всеми своими успехами, и именно он руководит «делом ее людей»...

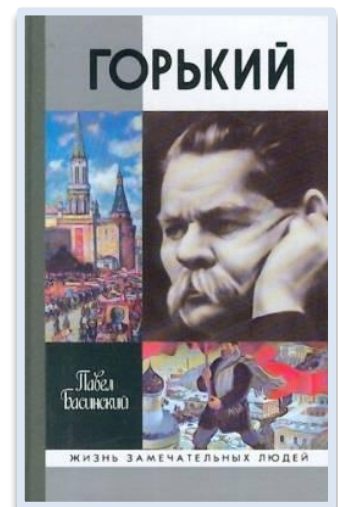
Вот вам и приветствие Алексея Максимовича! И как хитро все сделано: опубликована заметка в день окончания съезда (а не в начале, как обычно!).

Можно представить себе, какой переполох вызвало у понимающих... такое приветствие, опубликованное – где? Ну, конечно, в бухаринских «Известиях». И какой разгон учинил им Сталин!

Горький немало сделал для упрочения авторитета Сталина, для пропаганды тех методов строительства нового, которые Сталин считал единственно приемлемыми. Но Сталин никогда не ощущал в Горьком абсолютно надежного союзника. В нем всегда таилась опасность неуправляемости.

Басинский П. Горький / Павел Басинский. – Москва : Молодая гвардия, 2006. – 451 с. – (Жизнь замечательных людей : Сер. биограф.; Вып. 1029).

Известно, что вопрос о «нищезанятости» Горького долгое время являлся запретным для нашей науки. Такое положение сложилось в 30-е годы XX века в связи с канонизацией «пролетарского» писателя. Но еще в конце 20-х годов этот вопрос считался вполне законным, несмотря на то, что в 1923 году Ницше вместе с другими философами-идеалистами подлежал «изъятию из библиотек, обслуживающих массового читателя». В письме Горького Владиславу Ходасевичу от 8 ноября 1923 года с характерным для писателя тех лет возмущением по поводу действий советской власти говорится: «Из новостей, ошеломляющих разум, могу сообщить, что в «Накануне» напечатано: ...в России Надеждою Крупской и каким-то М. Сперанским запрещены для чтения: Платон, Кант, Шопенгауэр, Вл. Соловьев, Тэн, Рескин, Нитче (так у Горького и вообще в старой русской транскрипции. – П.Б.), Л. Толстой, Лесков, Ясинский (!) и еще многие подобные еретики...

Первое же впечатление, мною испытанное, было таково, что я начал писать заявление в Москву о выходе моем из русского подданства. Что еще могу я сделать в том случае, если это зверство окажется правдой. Знали бы Вы, дорогой В.Ф., как мне отчаянно трудно и тяжело!»

От советского подданства Горький не отказался. Но характерно его возмущение. Ведь все перечисленные философы (за исключением непонятно как оказавшихся в списке прозаика Лескова и среднего беллетриста Ясинского) когда-то составляли круг чтения молодого Пешкова, а затем Горького, наряду с русскими материалистами Лавровым, Бахом, Михайловским, Берви-Флеровским и немецкими – Фейербахом, Марксом и другими. И это

тоже были «его университеты», в которых с душевными и умственными муками выковывалась его собственная философия.

Рубежной в жизни и творчестве Горького является пьеса «На дне», которой он, с сопутствующей ему всю жизнь жанровой скромностью, дал подзаголовок «Картины», хотя на самом деле пьеса является сложной философской драмой, с элементами трагедии.

Настоящая слава М. Горького – неслыханная, феноменальная, такая, какой не знал до него ни один не только русский, но и зарубежный писатель (исключение может составить лишь Лев Толстой, но его слава росла постепенно, органически, как и бывало в XIX веке, а со славой Горького случился именно «взрыв»), началась с постановки «На дне». До этого можно было говорить только о высокой популярности молодого прозаика.

Грандиозный успех постановки «На дне» 18 декабря 1902 года в Московском Художественном театре под руководством К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко превзошел все ожидания. В том числе и ожидания цензоров, которые, как предполагал Немирович-Данченко, разрешили постановку «лишь потому, что власти уверены в полном провале пьесы на спектакле».

Пьеса не могла провалиться не только потому, что автор ее был фантастически талантлив, но и потому, что в воздухе уже носилось предчувствие новой этики и системы ценностей. Кто-то их ждал, кто-то их боялся, кто-то их сознательно создавал. Но всем они были жутко, жутко интересны!

...По воспоминаниям вождя символистов Валерия Брюсова, известный и плодовитый беллетрист Петр Боборыкин возмущался после сенсационного успеха постановки «На дне» в МХТ: «Всего пять лет пишет! Я вот сорок лет пишу, 60 томов написал, а мне таких оваций не было!»

В самом деле, было на что обидеться. В славе молодого Горького действительно было что-то ненормальное, сверхъестественное. Его фотографии продавались, как сейчас продаются фотографии «кинозвезд».

Талант Горького-издателя обнаружился рано. С 1902 по 1921 год Горький стоял во главе трех крупных издательств своего времени: «Знание», «Парус» и «Всемирная литература». Из них самым значительным было «Знание».

Издательство «Знание» в форме товарищества было организовано в 1898 году в Петербурге. В этом же году вышли в свет «Очерки и рассказы» Горького... «Знание» специализировалось на научно-популярной литературе. Горький предложил дополнить спектр издаваемых книг книгами по философии, экономике и социологии, а также издавать «Дешевую серию» для народа на манер «книг-копеек» И.Д. Сытина. Горьковское предложение не прошло.

Но настоящий конфликт в издательстве начался, когда Горький захотел издавать новых писателей-реалистов. Это было не по профилю издательства и слишком рискованно. Конфликт привел к тому, что в январе 1901 года Горький собирался покинуть товарищество. Однако в результате его покинули все остальные члены, остались только Горький и Пятницкий. Фактически Горький стал главой издательства, а Пятницкий взял на себя всю

техническую работу. «Знание» стало первым крупным издательством в России, во главе которого стоял писатель, да еще и достаточно молодой, по-настоящему влюбленный в литературу, ценивший других и умевший порадоваться чужому успеху.

Горький совершил переворот не только в издательской политике «Знания», но в российском издании литературы в целом.

В отношениях с Толстым Горький был в большей степени испытуемым, нежели испытателем. Для Толстого Горький был эпизодом, «недоразумением», в котором великий Лев пытался разобраться, но которое, конечно, не являлось главным содержанием его духовной и умственной жизни. Горький мог его интересовать, раздражать, даже, пожалуй, испытывать (образом Луки). Но изменить Толстого Горький не мог, да и никто не мог. Наоборот: Толстой мощно влиял на Горького. Как художник Горький знал свою зависимость от могучей и какой-то уже почти нечеловеческой мощи реализма Толстого, но, тем не менее, развивался именно в реалистическом ключе. Один раз вкусив божественного меда эстетической правды Толстого и Чехова, он, как и Иван Бунин, уже не мог полюбить эрзац псевдоромантической эстетики, которой изрядно послужил в молодые годы. Мучаясь и бесконечно работая над словом, Горький не только врожденным талантом, но и неустанным трудом выбился в мастера реализма, не обращая внимания на шумный успех ранних вещей. И, конечно, строгие глаза автора «Казачков» и «Хаджи Мурата» всегда были перед его глазами.

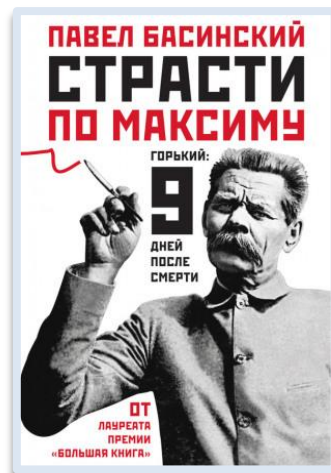
Басинский П. Страсти по Максиму : Горький: девять дней после смерти / Павел Басинский. – Москва : АСТ : Астрель, 2011. – 411 с.

Чтение повестей «Детство» и «В людях» - дело трудное, но увлекательное. В этих повестях заключен шифр ко всей биографии Горького.

Если воспринимать эти повести с некоторой степенью уважительного, но все же скептицизма и не относиться к ним как к реальным автобиографиям, то открываются вещи удивительные и... странные. Несомненно, что сам Горький, когда писал «Детство» и «В людях», именно с уважительным недоверием смотрел на личность Алексея Пешкова и не всегда отождествлял его с собой. Это раздвоение «я» вообще характерно для Горького...

Пристальное прочтение повестей «Детство» и «В людях» производит на читателя двойственное впечатление. Автор как будто сам удивлен формирующейся перед ним личностью, с недоверием изучает ее и делает для себя какие-то выводы, о которых не сообщает, а только намекает читателю. Он словно говорит: «Черт знает что это за мальчик. Но мне кажется...» Далее попадаем в густой лес знаков, намеков, символов.

После Казани Пешков побывал в Красновидове, окрестных деревнях и дрался с мужиками, которые подожгли лавку народника Ромася, затем батрачил у тех же мужиков. Когда батрачить надоело, он через Самару на барже отправился на Каспийское море и работал на рыбном промысле Кабанкулбай. По окончании путины пешком через Моздокские степи

пришел в Царицын. Устроился работать на станции Волжская Грязе-Царицынской железной дороги, затем – сторожем на станции Добринка. Перевелся в Борисоглебск. Еще раз перевелся – на станцию Крутая. Все это время продолжал пропагандировать и участвовать в кружках самообразования, за что вновь удостоился полицейского наблюдения.

Именно в этот период Пешков проходит искус «толстовства», которым в свое время переболели многие крупные писатели: Чехов, Бунин, Леонид Андреев и другие. На станции Крутая с телеграфистами Д.С. Юриным, И.В. Ярославцевым и дочерью начальника станции М.З. Басаргиной он решил организовать земледельческую колонию и был отправлен ко Льву Толстому – просить у него кусок земли и денег на хозяйство. Ехал «зайцем», на тормозных площадках вагонов, а больше шел пешком, оправдывая свою фамилию. Побывал в Донской области, в Тамбовской, Рязанской губерниях. Так и дошел до Москвы.

Но до этого он посетил Ясную Поляну в надежде найти Толстого. Его там не было, он уехал в Москву. Но и в Москве, в Хамовниках Толстого не оказалось. По словам Софьи Андреевны он ушел в Троице-Сергиеву лавру. Неизвестно, что наговорил жене великого писателя никому не известный Пешков, но Софья Андреевна, хотя и встретила долговязого просителя ласково и даже угостила кофеем с булкой, как бы между прочим заметила, что ко Льву Николаевичу шляется очень много «темных бездельников» и что Россия вообще «изобилует бездельниками». Пешков расстроился и ушел.

Короткая московская встреча с Шаляпиным переросла в многолетнюю дружбу. Конечно, была в этой дружбе звездная, как сказали бы нынче, сторона. Когда Горький с Шаляпиным появлялись на публике, в театре, ресторане или просто на улице, это производило двойной фурор. А если рядом оказывался Леонид Андреев или Куприн, публика просто теряла дар речи...

В дружбе Горького и Шаляпина звездная сторона не играла решающей роли. Рожденные и выросшие на Волге, хлебнувшие в детстве и юности горя и тяжелого труда и при этом органически талантливые, Горький и Шаляпин были родственны по природе своей.

Вспоминает Шаляпин: «Хотя познакомились мы с ним сравнительно поздно – мы уже оба в это время достигли известности, - мне Горький всегда казался другом детства. Так молодо и непосредственно было наше взаимоотношение...»

Дружба Горького с Шаляпиным длилась более четверти века, до серьезной размолвки в конце 20-х годов. Тогда Шаляпин наотрез отказался от уже не первого совета Горького приехать из эмиграции в Советский Союз.

С Лениным Горький поддерживал отношения и вел переписку до своего отъезда из России в 1921 году. Но это не было дружбой. Скорее союзом крупных исторических фигур, коими они себя, конечно, осознавали. *Любил* ли Горького Ленин, сказать трудно, если не считать любовью дежурные заботы о здоровье и советы лечиться у лучших швейцарских врачей («Пробовать на себе изобретения большевика – это ужасно!»). Но Горький Ленина любил. «С гневом», как признался он Ромену Роллану, но любил. Так же, как любил Толстого,

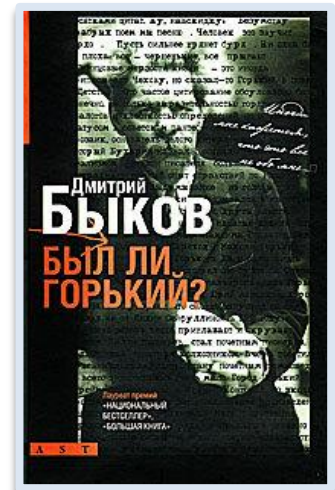
Шаляпина и других *больших* русских людей. С изумлением каким-то любил. Словно не понимая: откуда они берутся такие, «черти драповые»?

Повесть «Мать» - одно из самых слабых в художественном отношении, но и самых загадочных произведений Горького. Сам Горький прекрасно знал цену этой повести и не слишком высоко ее ставил. Тем не менее, если убрать «Мать» из творчества Горького, обнажится серьезная пустота и многое в судьбе Горького станет непонятным. Дело в том, что «Мать» - это единственная попытка Горького написать евангелие. Дореволюционная критика догадалась об этом сразу...

Вообще, с точки зрения правды жизни «Мать» - емкое и интересное произведение. Но в судьбе Горького «Мать» сыграла роковую роль, явив собой первый образец партийной художественной литературы. Будущих разрушителей России она изображала святыми, на долгие годы канонизировав их. Это было духовное поражение Горького, от которого он не смог оправиться до конца жизни.

Быков Д. Был ли Горький? : [биограф. очерк] / Дмитрий Быков. – Москва : АСТ : Астрель, 2008. – 348 с.

В Тифлисе он [Горький] познакомился со ссыльнопоселенцем Калюжным – как видим, именно политические ссыльные составляли основной круг его знакомств, - и именно Калюжный первым оценил его уникальный дар рассказчика. Он посоветовал ему записать цыганскую легенду, которую Горький любил рассказывать в приятельском кругу – и рассказ «Макар Чудра» под псевдонимом «Максим Горький» появился в газете «Кавказ» 12 сентября 1892 года. Так вошел в русскую литературу самый странный из прозаиков Серебряного века – человек, видевший такое количество страданий и мерзостей, что тащить их еще и в литературу ему поначалу казалось делом немыслимым...

Он словно хотел начать все с нуля, чтобы его литературная жизнь не имела ничего общего с реальной. Имя – не только память об отце, но еще и указание на максимализм во всем; ну а Горький – дань дурному романтизму, но что ж поделаешь. Горечи он повидал достаточно.

За следующие пять лет, наполненные непрерывной работой, он стал самым известным писателем России.

К 1902 году авторитет Горького среди литераторов был столь высок, что его – после всего шести лет литературной деятельности – избрали почетным академиком Академии российской словесности, но Николай II не утвердил этого назначения, начертав резолюцию: «Более чем оригинально». В знак протеста из состава Академии немедленно вышли Чехов и Короленко. Солидаризироваться с Горьким, дружить с ним, заступаться за него стало

престижно – к нему потянулась вся молодая литература: Елеонов, Юшкевич, Скиталец, Гусев-Оренбургский, Куприн, посвятивший ему «Поединок», и десятки других, чьих имен сегодня никто не вспомнит. Их иронически называли «подмаксимками»... И они в самом деле подражали Горькому во всем – в манере носить усы, длинные волосы, широкие шляпы, в резкости и подчеркнутой грубоватости манер, даже в волжском оканье, которое и у Горького смотрелось довольно искусственно. Однако более модного течения, чем социальный реализм, и более популярного издательства, чем «Знание», в девятисотые годы в самом деле не было...

Петроград 1918-1921 годов, по словам Евгения Замятина, напоминал огромный, несущийся в ледяной пустоте снаряд... Любопытно, что именно в это время Горькому посчастливилось встретить главную любовь своей жизни. Конечно, того места, какое занимала в его биографии Андреева, Мария Игнатьевна Закревская-Будберг занять не успела – им суждено было прожить вместе всего десять лет да потом изредка встречаться во время ее наездов в СССР, - но «Жизнь Клим Самгина», главное свое сочинение, Горький посвятил именно ей, да и на рабочем своем столе держал слепок именно ее руки – «идеально изящной и далеко не всегда чистой», как писал другой ее великий любовник, Герберт Уэллс. Баронессу Бенкендорф-Будберг сам Горький прозвал «железной женщиной», и не без оснований...

О том, кто, как и когда завербовал Марию Закревскую-Бенкендорф, пишут много, и правду узнают вряд ли. По одной версии, ее завербовал Локкарт, по другой – ЧК, когда их вместе с Локкартом арестовали в Москве в 1919 году, а по третьей – она была двойным агентом. Можно, впрочем, допустить, что никаким агентом она не была вовсе. Ей надо было выживать...

К Ленину он в эти годы обращается часто, и почти всегда – с вещами, которые сегодняшнему историку покажутся абсурдом, но Ленин вникал в горьковские просьбы и старался его беречь. Почему – сказать трудно: вряд ли из сентиментальных соображений, они были Ленину не свойственны. Авторитет Горького в глазах Запада тоже ни при чем. Вероятнее другое: Ленину был присущ врожденный, на генетическом уровне усвоенный пиетет к русской литературе. И ему, и его прослойке – провинциальной интеллигенции, воспитанной на подпольном чтении Чернышевского, - так и не удалось избавиться от этого предрассудка до конца. Может быть, поэтому Ленин ограничился высылкой творческой интеллигенции на «философском теплоходе», а не уничтожил ее. Может быть, Горький представлялся ему действительно великим художником – вкусы у него были традиционалистские, и горьковский социальный реализм был ему близок. Возможно, он просто считал Горького полезным в качестве связного между партией (членства в которой Горький не возобновил после перерегистрации) и интеллигенцией (которая Горькому теперь верила больше, чем когда-либо). Словом, если Горький просил за профессора – профессора отпускали. Если указывал, что из типографии «Копейка», где печаталась «Всемирка», забирают слишком много рабочих на фронт или иные трудовые повинности, - «Копейку» оставляли в покое...

Горьковское заступничество помогло бы и Блоку – но, увы, разрешение на его выезд за границу... было получено лишь за день до его смерти. А вторая смерть, последовавшая в том же августе, Горького добила: несмотря на все его протесты, заступничества и ходатайства, по обвинению в контрреволюционном заговоре был расстрелян Николай Гумилев. Именно

после этих двух смертей... Горький понял, что его имя уже никого не защитит и принадлежность к великому делу русской литературы ничего не гарантирует. Так созрела у него мысль об отъезде...

Мы переходим сейчас к одной из самых спорных и запутанных тем в горьковской биографии – запутанных нарочито, а на деле весьма простых. Речь идет об убийстве сначала его сына Максима, работавшего в НКВД, а затем и самого Горького. Обе эти версии, превращающие реальность в кровавую шекспировскую драму, не имеют под собой никакой почвы, даром что высказывались любителями кровавых фабул бесчисленное количество раз. Сталину для процесса над троцкистско-зиновьевским блоком понадобилась версия об убийстве Буревестника неправильно лечившими его врачами. Разоблачителям Сталина потребовалась версия об убийстве Горького Сталиным – разумеется при помощи страшного чекистского яда. Бытует также версия о том, что Горького по приказу Сталина отравила Мария Будберг, с которой у писателя с 1934 года были чисто приятельские отношения, но в СССР она продолжала наезжать и успела посетить умирающего писателя. Она-то, оставшись с ним наедине на сорок минут, якобы и дала ему то ли отравленную конфету, то ли ядовитую таблетку. Всем этим версиям несть числа, и весьма жаль, что люди, никогда толком не читавшие Горького и ничего о нем не знающие, интересуются лишь этим аспектом его богатой биографии.

Вокруг смерти Горького. Документы, факты, версии. – Москва : Наследие, 2001. – 360 с. – (М. Горький. Материалы и исследования; Вып. 6).

Рассказ М.И. Будберг [Мария Игнатьевна Будберг – близкий друг и секретарь Горького в 20-е годы].

8-го июня доктора объявили, что ничего сделать больше не могут. Г. умирает. Приехал Сперанский – стал настаивать на дальнейшем впрыскивании камфары. Г. – отказался...

В то время сообщили, что к нему едет Сталин, Ворошилов, Молотов. Он немного оживился. Его стали уговаривать сделать впрыскивание камфары, чтобы приободриться и встретить Сталина бодрым. Он колебался, затем сказал: «Вот здесь нас четверо умных... - поправился – неглупых людей (М.И., Липа, Левин, Крючков), давайте проголосуем: надо или не надо». Все высказались за впрыскивание, после которого он начал быстро оживать... и двигаться. «Неужели опять начинать все заново?» - сказал он.

Члены Политбюро, которым сообщили, что Г. умирает, войдя в комнату и ожидая найти умирающего, были удивлены его бодрым видом.

- А почему здесь так много народу? – сказал Сталин, не подозревая, что люди пришли проститься с умирающим.

Приехавшие с деланной бодростью заговорили о текущих делах (лицо Ворошилова было красное от слез). Г. – их поддержал и заговорил о необходимости издать дешевым изданием «Историю гражданской войны». Подали вино, они выпили за его здоровье и, пробыв около 10 минут, уехали.

Пеширов Г. Случай с часами [Григорий Антонович Пеширов - личный шофер писателя с конца 1933 по 1936 гг.].

С Алексеем Максимовичем Горьким много лет работал его старый друг Ладыжников И.П. А.М. в знак дружбы подарил ему золотые часы. На часах была надпись: «На память старому другу Ладыжникову И.П. М. Горький».

Как-то Ладыжников ехал в трамвае в Москве и у него вытащили из жилетного кармана эти часы. Ладыжников был в отчаянии, не знал, что делать и как сказать об этом несчастье Алексею Максимовичу. На второй день после кражи к Ладыжникову пришел неизвестный гражданин, вручил ему небольшой сверток и ушел. В свертке оказались украденные золотые часы и анонимная записка: «Из уважения к Алексею Максимовичу Горькому возвращаем Вам часы, советуем лучше хранить».

Пеширов Г. Последний год жизни Алексея Максимовича Горького в Тессели

Ехать А.М. в Москву или не ехать, мог решить только врач Левин. Выслушав и осмотрев А.М., Левин решил, что ехать А.М. в Москву можно...

Из Москвы был получен ответ от Пешковой Н.А. и Пешковой Е.П. о том, что А.М. приезжать в Москву нельзя: Марфа и Дарья с большой температурой лежат в постели, и А.М. может заразиться и слечь сам...

Во второй половине мая А.М. в сопровождении врача Левина и секретаря Крючкова выехал в Москву. В Москве А.М. сразу принялся за свои дела. От своих внучек Марфы и Дарьи он был изолирован, его не впускали к ним. Не выдержав длительной разлуки с любимыми внучками, А.М. не удержался, и, несмотря на запреты, вошел к ним в спальню. Внучки, обрадовавшись появлению дедушки, повисли у него на шее. Через несколько дней А.М. с температурой слег в постель. Проболев около двух недель, Алексей Максимович утром 18 июня 1936 года скончался.

Никитин Е.Н. Официальные версии смерти Горького

Первая официальная версия смерти Горького, медицинская, была сформулирована лечащими врачами. Она сложилась в результате обследований, анализов, консилиумов, установления диагноза, вскрытия и т.п. Горького лечили лучшие в то время доктора, имевшие большой практический опыт работы...

Менее чем через два года возникла вторая официальная версия, политическая. 2 марта 1938 года на судебном процессе, где главными обвиняемыми были Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, Г.Г. Ягода, П.П.Крючков, врачи и многие другие, Государственный обвинитель Прокурор СССР А.Я. Вышинский зачитал Обвинительное заключение, в котором, в частности, говорилось: «Как установлено следствием по настоящему делу, А.М. Горький, В.Р. Менжинский и В.В. Куйбышев пали жертвами террористических актов». Иными словами, Горький, Менжинский

и Куйбышев были убиты...

Вторая, 1938 года, версия смерти Горького – убийство – версия политическая. Ее появление обусловлено состоянием внутрипартийной борьбы в ВКП(б). Устроителей судебного процесса 1938 года в действительности не интересовала настоящая причина кончины писателя. Они лишь использовали факт его смерти в своих целях.

В новых условиях зарождающейся демократии вторая, политическая версия смерти Горького была пересмотрена специально организованными медицинскими, судебными и партийными комиссиями. 4 февраля 1988 года Пленум Верховного суда СССР постановил: «...приговор военной коллегии Верховного суда СССР от 13 марта 1938 года в отношении Бухарина Н.И., Рыкова А.И., Розенгольца А.П., Чернова М.А., Раковского Х. Г., Буланова П.П., Левина Л.Г., Казакова И.Н., Максимова-Диковского В.А., Крючкова П.П. ...отменить и дело прекратить за отсутствием состава преступления».

Петелин В. Жизнь Максима Горького. «Я – каторжник, который всю жизнь работал на других...» / Виктор Петелин. – Москва : Центрполиграфиздат, 2007. – 717 с.

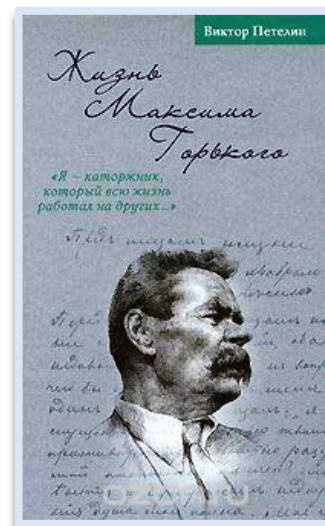
10 ноября 1904 года Горький присутствует на премьере своей пьесы «Дачники» в театре В.Ф. Комиссаржевской...

О премьере «Дачников» Горький написал Е. Пешковой: «Первый спектакль – лучший день моей жизни, вот что я скажу тебе, мой друг! Никогда я не испытывал и едва ли испытаю когда-нибудь в такой мере и с такой глубиной свою силу, свое значение в жизни, как в тот момент, когда после третьего акта стоял у самой ramпы, весь охваченный буйной радостью, не наклоняя головы перед «публикой», готовый на все безумия – если б только кто-нибудь шикнул мне.

Поняли и – не шикнули. Только одни аплодисменты и уходящий из зала «Мир искусства». Было что-то дьявольски хорошее во мне и вне меня, у самой ramпы публика орала неистовыми голосами какие-то нелепые слова, горели щеки, блестели глаза, кто-то рыдал и ругался, махали платками, а я смотрел на них, искал врагов, а видел только рабов и нескольких друзей. «Товарищ!» - «Спасибо!» - «Ура! Долой мещанство!» Удивительно хорошо все это было. Чувствовал я себя укротителем зверей, и рожа у меня, должно быть, была зело озорниковатая. Потом говорили, что этот момент – лучший момент спектакля.

...Скандал, я говорю, начала ложа «Мира искусства» и именно – Мережковский, как самый откровенный, горячий и смелый из компании... Шипели четыре ложи, как говорят, повторяю – когда я вышел к ramпе, - шипенья уже не было. Меня очень удивил Потапенко, сказавший мистикам из «Мира»: «Только в России возможна такая гнусность, господа... шикать человеку, каждое слово которого правда, правда! Стыдитесь!» Сказал он это громко в фойе.

Группа каких-то военных закричала, подбегая к Дягилеву и Философому: «Пошляки! Вон из театра!» Какой-то господин, по словам одного знакомого, кричал в ложу шикавших: «Что... Пробрало вас?...» Вообще «было дело под Полтавой»!

Какие-то мужики и дамы подбегали ко мне за кулисы, что-то говорили, плакали, жали руки и – прочее в этом духе. Четвертый акт прошел нелепо – все время аплодировали, прерывая артистов. В конце акта – общие вызовы. Из театра – едва ушел. Второй спектакль, по словам Тихомирова, прошел лучше в смысле исполнения, а после третьего акта – плакали. Вызывали автора. Ну, будет об этом».

23 апреля Алексей Максимович и Мария Федоровна пошли на пристань. Заказанная заранее лодка дожидалась у причала. Пароходик из Неаполя в положенное время вошел в бухту и бросил якорь. По устоявшейся за эти полтора года жизни на Капри традиции чета Пешковых встречала почетных гостей лично. Лодка подошла к пароходу. Пешковы поднялись на палубу, Ульянов и Крупская, улыбаясь, шли им навстречу.

- Ну, вот мы и приехали, сдержали свое обещание, - первым заговорил Владимир Ильич.

- Как здоровье? Как себя чувствуете? Хорошо ли работается?..

- А здоровье, Владимир Ильич, неплохое, работаю как вол, работы на десять каторжан... Только что закончил повесть о хождении некоего человека по святым местам, о бытии его во обителях и о искании всюду Господа Бога, коего он благополучно и находит... «Исповедь» называется.

- Посмотрим, почитаем, куда на этот раз ушли ваши поиски... Сейчас, как никогда, нужна литература, подобная вашей повести «Мать»... Хотя в ней есть недостатки...

- «Мать» уже пошла по миру со своим добрым словом. Я уже тут ни при чем, но читать ее никому не советую в России, напечатана она с большими пропусками, была конфискована, автор и издатель – под судом. Конечно, издавать ее отдельным изданием будут, вот когда – не знаю, но знаю, что издадут дешево. Но в этой книге, Владимир Ильич, я разочарован, - длинная и скучная история с несомненным привкусом сентиментализма, - вероятно, сей последний сделал ей на Западе крупный успех, но на родине ее ругают во всю силу. Хотя не столько ее, сколько автора...

А во время этого разговора один за другим, пропустив вперед женщин, спустились в лодку, гребцы дружно ударили веслами по воде и вскоре пристали к пристани. Так началась у Ленина и Крупской неделя пребывания на Капри.

И вот сейчас, после покушения на Ленина, невзирая на грубые промахи, которые ставят всем культурным начинаниям «невежество политики и политика невежд», Горький задумался над тем, что нужно какие-то свои проекты осуществлять вместе с большевиками, пусть хотя бы на автономных началах, надоела Горькому «бессильная, академическая оппозиция «Новой жизни». Она сдерживает его в порывах и стремлении работать по объединению всех культурных и научных сил страны, чтоб не убежали в разные страны, а сосредоточили бы свои намерения у себя в родной стране. Так началась его работа по формированию и организации издательства «Всемирная литература» при Комиссариате народного просвещения.

Заключен был договор с комиссариатом о том, что Горький и его группа в составе И.П. Ладыжникова, З.И. Гржебина и А.Н. Тихонова берут на себя все руководство издательством,

формируют планы издательства, «А.М. Пешкову и его доверенным лицам предоставляется полная свобода в организации издательства, как то: в выборе подлежащих изданию книг, в установлении их тиража, в определении характера вступительных статей и примечаний, а также в выборе сотрудников, авторов, переводчиков и служащих издательства и в установлении размера и порядка их вознаграждения в пределах общей сметной ассигновки».

В ходе беседы с Луначарским Горький особо подчеркнул, что покушение на Ленина побуждает «его окончательно вступить на путь тесного с ними сотрудничества». В те же дни, в сентябре 1918 года, Горький впервые выступает с речью в типографии «Копейка», где должны были печатать книги «Всемирной литературы», о том, что книга, культура вообще, неразрывно связана с укреплением Октябрьской революции.

Слух о возвращении Горького в ряды защитников Октябрьской революции был встречен горячо и восторженно, в газетах появились отклики из разных организаций: «Горький вновь с нами», «Он наш, мы его любим и приветствуем его возвращение в наши ряды».

Труайя А. Максим Горький / Анри Труайя. - Москва : Эксмо. - 2004. - 320 с. - (Русские биографии).

Когда Горький еще находился в Крыму, он узнал о том, что Академия наук только что избрала его на заседании Отделения русского языка и словесности почетным академиком. Прочитав об этом 1 марта 1902 года в «Правительственном вестнике», царь Николай II написал на полях: «Более чем оригинально!» и выразил свое возмущение в письме министру народного образования. Разве может писатель революционных убеждений, состоящий под надзором полиции и сидевший в тюрьме, занимать почетное место в столь уважаемой организации? Академии было отдано распоряжение об отмене столь несообразного избрания. Распоряжение было выполнено. Результат был противоположным тому, на который рассчитывало правительство. После такого вторжения власти в область литературы Чехов и Короленко, почетные академики, вернули свои академические дипломы в знак солидарности с Горьким, который снова оказался причислен к лику святых великомучеников, пострадавших за свободомыслие.

Этот пресловутый «буржуазный дух» стал его любимой мишенью. Он питал почти физическое отвращение к классу собственников, которое, однако, отчасти было залогом его успеха. Свое литературное кредо он выразил в письме к писателю С. Н. Елеонскому: «Для кого и для чего Вы пишете? Вам надо крепко подумать над этим вопросом. Вам нужно понять, что самый лучший, ценный и – в то же время – самый внимательный и строгий читатель наших дней – это грамотный рабочий, грамотный мужик-демократ. Этот читатель ищет в книге прежде всего ответов на свои социальные и моральные недоумения, его основное стремление – к свободе, в самом широком смысле этого слова; смутно сознавая многое, чувствуя, что его давит ложь нашей жизни, – он хочет ясно понять всю эту ложь и сбросить ее с себя». (Письмо от 13 сентября 1904 года).

Чем больше росла популярность Горького в салонах, университетах и на заводах, тем сильнее ультраправые круги начинали опасаться его. В конце 1903 года подосланным ими человеком на него было совершено покушение с целью убийства. Как-то вечером, когда он прогуливался по берегу Волги, на него напал незнакомец, нанеший ножом удар в область сердца. К счастью, лезвие, проткнув одежду, уперлось в портсигар. Новость об этом покушении потрясла общественное мнение и сделала Горького еще более дорогим сердцам всех тех, кто видел в нем выразителя народного недовольства. Вскоре пьесе «На дне» была присуждена важная литературная премия, Грибоедовская. Горький же уже задумал новую пьесу, «Дачники».

На пороге смерти он горевал главным образом потому, что не успел закончить свой роман «Жизнь Клима Самгина». Иногда, однако, им овладевало желание действовать, бороться. «Жить бы и жить. Каждый новый день несет чудо. А будущее такое, что никакая фантазия не предвосхитит... Рано мы умираем, слишком рано!»

Собирая последние силы, он записывал карандашом, на клочках бумаги, свои впечатления от болезни: «Вещи тяжелеют книги карандаш стакан и все кажется меньше чем было». И о «Климе Самгине»: «Конец романа – конец героя – конец автора».

Уход Горького оставил подавленным весь русский народ. Несмотря на усилия пропаганды, вовсе не его речи и политические статьи остались в памяти людей, а тяжелые, волнующие страницы «Детства», «В людях», «Моих университетов», ярко набросанные портреты нескольких великих писателей – Толстого, Чехова, Короленко, Андреева...

© Тверская областная универсальная научная
библиотека им. А. М. Горького, 2018 г.
170 100, г. Тверь, Свободный пер., д. 28. Тел. (4822) 34-55-01
<http://www.tverlib.ru>

Составитель: Е.А. Манохина